

— Бай Чжи? Разве это не имя императора лис из Цинцю? — люди в недоумении переводили взгляд с Байцзэ на Сы Инь, явно не понимая, о ком идет речь.

Сы Инь, которая никогда прежде не терпела подобных унижений, стерла кровь с уголка рта. Она уже было собралась назвать свое имя, но, заметив, что Байцзэ ничуть не трепещет перед упоминанием ее отца, поняла: перед ней очередной могущественный небожитель, с которым ей лучше не связываться. В Цинцю она часто попадала в переделки, но никто и никогда не смел называть отца по имени — только титулом. Должно быть, этот человек — такой же древний старик, как и те, с кем водился ее отец.

Сы Инь, хоть и была озорной, глупой не была. Стиснув зубы, она проглотила обиду, опустила голову и замолчала.

— Скучно. Уходим! — бросил Байцзэ.

Даже несмотря на дерзость Сы Инь, Байцзэ уже проучил ее. Если бы он нанес ей тяжелые увечья или вовсе убил, это серьезно подпортило бы его отношения с Мо Юанем. Подумав об этом, он решил отступить. В конце концов, когда Мо Юань вернется, можно будет просто попросить его изготовить для Яогуан несколько новых магических артефактов в качестве компенсации.

— Верховный бог, мы отклоняемся, — Де Фэн склонился в поклоне.

Семнадцать учеников проводили взглядами Байцзэ и Яогуан, скрывшихся в пещере. Дворец Яогуан открылся и захлопнулся в мгновение ока.

— Давайте возвращаться. Учитель — родной сын Бога-Отца, с ним ничего не случится. А устраивать переполох у чужих дверей — только позорить Куньлуньсю.

— Ну что, я был хорош? — спросил Байцзэ.

— Хорош, нечего сказать. Достопочтенный Верховный бог Байцзэ решил придраться к мелкому бессмертному господину. Если другие узнают, засмеют тебя, — Яогуан взяла его за руку и усадила на кушетку. — Почему ты не сказал мне, что при получении наследия что-то пошло не так? Если бы Дунхуа не проговорился сегодня, сколько еще ты собирался это скрывать?

— Я вовсе не скрывал! Это ты, сестрица, переменилась ко мне, пока я принимал наследие — полюбила другого. Я как проснулся, сразу к тебе примчался, а ты еще и злишься, — Байцзэ, которого когда-то передал ей предыдущий Байцзэ, был еще совсем юн. В облике зверя он был живым и милым, а в человеческом обличье вызывал лишь нежность. Старые друзья Яогуан души в нем не чаяли, даже Дунхуа вечно твердил о нем. Его так избаловали, что он стал похож

на столичного повесу: ничего не боялся, даже в Мир Демонов один бегал ради забавы.

Но сейчас он вел себя странно — стал таким плаксивым. Глаза покраснели, слезы дрожали на ресницах, длинных и влажных. Тонкий прямой нос — он выглядел как хрупкая фигурка из стекла, готовая разбиться в любую минуту. С последним словом жемчужные капли покатались по щекам.

— Знал бы я, что так выйдет, лучше бы сгинул в том наследии... — он не успел договорить, как Яогуан прижала ладонь к его губам. Ее взгляд был полон ярости.

— Не смей говорить таких вещей! Ты будешь жить долго, десятки тысяч лет!

— Но для тебя все важнее меня! Твой клан, все живые существа Четырех морей и восьми пустынь — каждый из них важнее меня. Мы только вернулись, я даже не успел с тобой толком поговорить, а ты уже печешься о Мо Юане, да еще и обнимала его, когда несла к императору Дунхуа!

Слова Байцзэ заставили Яогуан почувствовать себя настоящей предательницей. Хотя она отчетливо помнила, что держала Мо Юаня за шиворот и никакого физического контакта не было. На лбу Яогуан, казалось, проступили три вопросительных знака.

— Сестрица Яогуан, я ведь тоже живое существо из этих Четырех морей и восьми пустынь. Пожалей же своего А-Цзэ. К тому же Мо Юань еще жив, мы можем помогать ему со стороны, хорошо? — Байцзэ прошептал это прямо ей на ухо. Горячее дыхание вызвало у нее дрожь.

Яогуан вдруг показалось, что в Байцзэ вселился кто-то странный. В конце концов, та лисица Сы Инь была куда больше похожа на лисьего духа, чем он. Он явно пытался ее соблазнить, но... Яогуан это нравилось. Она крепко поцеловала его в губы.

— Мы поженимся. Завтра же прикажу служанкам готовиться!

Пусть Байцзэ покапризничает еще немного, а после свадьбы она ему устроит.

— Хорошо! — получив желаемый ответ, Байцзэ быстро вытер слезы. Если бы не покрасневшие глаза, никто бы и не догадался, что он только что плакал.

На следующее утро Мо Юань, все еще находившийся во дворце Тайчэнь, появился во дворце Яогуан. Байцзэ проснулся, почуяв чужака. Вчера они с Яогуан засиделись допоздна, он был так взбудоражен, что не мог уснуть, и лишь под ее уговоры провалился в сон. Будучи тщеславным Байцзэ, первым делом он бросился прихорашиваться — нельзя же ударить в грязь лицом перед мнимым соперником.

Перед водным зеркалом он примерял один наряд за другим.

— Этот розовый слишком вульгарный, я же не старый Феникс. А этот синий... некрасиво. Все пропало, мне нечего надеть, у-у-у...

Служанка, услышав причитания из-за двери, поспешила в переднюю. Поклонившись Мо Юаню, она прошептала Яогуан на ухо:

— Верховный бог капризничает!

Хотя она старалась говорить тихо, все присутствующие прекрасно ее услышали. Мо Юань беспомощно улыбнулся.

— Раз у тебя дела, я пойду. Спасибо за помощь, я во всем разберусь насчет Сы Инь.

— Не нужно. Просто надеюсь, ты поскорее выяснишь, почему у нее такое лицо. Я не хочу, чтобы Шаовань было больно.

При имени Шаовань сердце Мо Юаня сжалось от боли.

— Я знаю. Шаовань была такой гордой, я не причиню ей вреда.

Причинит или нет — вред уже нанесен, тем более что Шаовань давно нет в живых. Какой смысл в этих словах Мо Юаня? Яогуан стало скучно. Проводив Мо Юаня холодным взглядом, она направилась в спальню.

После получения наследия у Байцзэ возникли проблемы с силой — хоть он и был Верховным богом, его духовная мощь заметно уступала остальным. Вчера она была слишком увлечена и не до конца учла это. Впрочем, Яогуан впервые обнаружила, что близость может приносить такое наслаждение и без последнего шага. Ей понравилось это чувство, и она стала еще настойчивее. Байцзэ, хоть и обладал памятью предков, в делах сердечных был сущим ребенком. Он позволял ей делать все, что она хотела, и Яогуан, видя, как послушно ее «лакомство» лежит на постели, была в восторге. Они забавлялись до глубокой ночи.

— Что случилось?

— Мне нечего надеть!

Байцзэ, который, по словам служанки, уже встал, снова зарылся в одеяло, свернувшись калачиком, как кролик.

— А-Цзэ вырос, старые вещи и правда не очень. Хочешь, я прикажу клану Суцзинь сшить тебе еще несколько новых нарядов?

— Хочу! И еще корону, с большими жемчужинами, самыми яркими!

Глаза Байцзэ сияли, словно в них отражались звезды. Настроение Яогуан сразу улучшилось.

— Тогда полетим в Западное море, добудем слезы народа акул и украсим ими твою корону, идет?

— Я знал, что я у Яогуан самый любимый! Я тоже люблю Яогуан, очень-очень люблю... так же сильно, как отец любил мать... так сильно, что хочу завести с тобой детишек!

<http://bllate.org/book/22249/2327127>